

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

КОГДА
ПОЮТ СВЕРЧКИ

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

КОГДА
ПОЮТ СВЕРЧКИ

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М29

Charles Martin
WHEN CRICKETS CRY

Copyright © 2014 by Charles Martin

Перевод с английского *В. Гришечкина*
Художественное оформление *С. Власова*

Фотография на обложке:
© Stephen Simpson / Gettyimages.ru

Мартин, Чарльз.

М29 Когда поют сверчки : [роман] / Чарльз Мартин ; [пер. с англ. В.А. Гришечкина]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 576 с. — (Джентльмен нашего времени. Романы Чарльза Мартина).

ISBN 978-5-699-91495-1

После того как успешный кардиохирург Риз не смог спасти жену, он разочаровался в себе и в профессии и уединился в коттедже на берегу озера, чтобы зарабатывать на жизнь ремонтом лодок и не думать о прошлом.

Но однажды, отправившись в город за покупками, он увидел семилетнюю Энни. История девочки поразила его. Она продает на площади лимонад, чтобы накопить денег себе на операцию.

Жалость к ребенку и интерес к ее тете — сдержанной и упорной Синди — заставили Риза поклясться спасти девочку. И сможет ли что-нибудь этому помешать?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-91495-1

ООО «Издательство «Э», 2016

Таллалог

Я толкнул ручку, и сетчатая дверь, тихо скрипнув, отворилась, вспугнув двух колибри, ссорившихся над кормушкой. Шорох их крыльев затих высоко в ветвях кизила, и почти в то же самое мгновение по небу скользнули первые лимонно-желтые лучи утреннего солнца. Казалось, кто-то раскрасил накануне вечером небесный свод в густо-синие и лиловые тона, а затем смахнул темную краску ватными тампонами облаков и засыпал освободившееся пространство золотой крошкой. Я наклонил голову и исподлобья посмотрел вверх. Небо немного напоминало гигантскую гранитную столешницу, обращенную лицевой стороной к земле. Быть может, подумалось мне, как раз сейчас где-то там, высоко в небесах, Господь тоже пьет свой утренний кофе. Вся разница между нами заключалась в том, что Ему не нужно было читать письмо, которое я сжимал в руке, поскольку Он и так знал, что в нем...

Прямо передо мной широкая Таллала вливалась в озеро Бертон. Похожая на прозрачное зеленоватое стекло, река была неподвижной, но я знал, что ровно в семь с оглушительным треском моторов эту безмятежную водную гладь нарушат гидроциклы и катера и на берега начнут накатывать маленькие беспокойные волны, произведенные ими. Да, еще немного, и сол-

нце поднимется выше, чтобы двинуться на запад, так что к полудню воздух согреется, а вода засверкает так, что на нее будет больно смотреть.

С письмом в руке я спустился с заднего крыльца и, осторожно ступая босыми ногами, вышел на причал. Чувствуя, как поднимающийся от воды туман касается моих ног и лица, я двинулся вдоль стены эллинга и поднялся по лестнице на его крышу. Там я сел в натянутый между столбами навеса гамак, подставил лицо солнцу, сунул палец в небольшое медное кольцо, привязанное к короткому шнуру, и, потянув его на себя, стал медленно раскачиваться.

Если Бог там, наверху, действительно есть и в этот самый миг пил утренний кофе, Он, должно быть, уже приканчивал вторую чашку, поскольку небо совсем посветлело и засверкало яркой утренней синевой, и лишь кое-где на нем задержались едва различимые темные полосы.

Еще какое-то время я слушал тишину, зная, что долго она не продлится. Какой-нибудь час — и над озером зазвонит смех детей, катающихся на автомобильных камерах; подростки на гидроциклах и пенсионеры на резиновых лодках распугают канадских гусей, лакомящихся кусками белого хлеба, которые разбросал для них какой-то вместе с солнцем поднявшийся любитель птиц и которые чуть покачиваются на воде, словно сказочная дорога из желтого кирпича. Ближе к обеду на десятках пристаней и причалов зачатят грили, мангалы, над водой потянется запах хот-догов, гамбургеров, копченых устриц и острых сосисок. Во дворах и на

подъездных аллеях, которые в здешних местах непременно наклонены к озеру, лежащему словно на дне гигантской салатной миски, люди, невзирая на возраст, станут кататься по орошаемым шлангами пластиковым дорожкам, играть в тени деревьев в подкову, потягивать мятный джулеп или коктейль из текилы с лимонным соком или просто сидеть на крышах сараев для лодок, болтая ногами. К девяти вечера почти все владельцы прибрежных домов достанут приготовленные заранее фейерверки, и над озером зазвучит праздничная канонада, в воде отразятся алые, синие, желтые и зеленые огни, которые будут осыпаться вниз мерцающим дождем. Родители будут, задрав головы, смотреть в небо, дети — смеяться и вопить, собаки — лаять и натягивать цепи, оставляя глубокие следы в коре деревьев, к которым они привязаны. Кошки бросятся на поиски убежища, ветераны погрузятся в воспоминания, влюбленные возьмутся за руки и потихоньку ускользнут в дальние рощи на берегу, чтобы купаться голышом в темной теплой воде, где их никто не увидит. Все это и составляет ту симфонию свободы, которая сопровождает главному празднику лета — Дню независимости.

Наверное, во всем Клейтоне, штат Джорджия, только у меня не было ни фейерверков, ни сосисок и никакого желания расцвечивать небо вспышками химического огня. Мой причал так и останется темным и тихим, мангал — холодным, полным старой золы и запылившейся паутины. Свобода была для меня чем-то далеким — как слабый, едва повеявший аромат, который кажется хорошо знакомым, вот

только, откуда ты его знаешь, вспомнить не удастся. Если б я мог, я бы проспал весь сегодняшний день, как какой-нибудь современный Рип ван Винкль; я бы открыл глаза только завтра и со спокойной душой зачеркнул Четвертое июля на своем календаре. Увы, сон для меня почти столь же недосыгаем, как и свобода, к тому же он никогда не бывает крепким. Уже много лет я сплю урывками, по два-три часа в сутки, не более.

Так я лежал в гамаке с кофе и пожелтевшими воспоминаниями. Поставив кружку на грудь, я руками сжимал смятый нераспечатанный конверт. За моей спиной по-прежнему поднимался туман; он закручивался крохотными спиральями, которые, изгибаясь и танцуя, бесшумно и неторопливо плыли сквозь нависающие ветви кизила и таяли футах в тридцати над землей.

Надпись на конверте, сделанная ее рукой, сообщала, когда именно я должен прочесть письмо. Если бы я послушался, то прочел бы его еще два года назад. Но я не сделал этого, не собирался я вскрывать конверт и сегодня. Возможно, я просто не мог. Последнее прощание кажется вдвойне тяжелее, когда точно знаешь, что оно и правда последнее. А я это знал. Четыре годовщины минули и канули в прошлое, а я по-прежнему застрял где-то между временами, и для меня ничто не менялось.

Я прижал конверт ладонью к груди, расправив его уголки, словно маленькие бумажные крылья. Жалкая замена...

Местные жители обожают раскачиваться на качелях и, потягивая мятный джулеп, рассуждать,

какое время суток на озере следует считать самым лучшим. По утрам тени ложатся на землю прямо перед тобой и как будто тянутся навстречу дню. В полдень тень съезживается и оказывается у тебя под ногами: ты стоишь на ней, застряв между прошлым и будущим, между тем, что было, и тем, что будет. В сумерках тень оказывается у тебя за спиной, скрывая твои шаги от возможных преследователей. И это не метафора. По моим наблюдениям, у тех, кто предпочитает сумерки яркому свету, обычно есть что скрывать.

Глава 1

Она казалась маловатой для своих лет. Выглядела она как пятилетняя, хотя ей было уже шесть или даже семь, однако в ее хрупком, как у фарфоровой куклы, теле скрывалось отважное сердце бойца. На ней было коротенькое желтое платье, желтые носочки, белые сандалии с ремешком, концы соломенной шляпы, обвязанной желтой лентой, спускались почти до пояса. Тоненькая и бледная, двигалась она тем не менее то как Элоиза¹, то как Тигра из сказки про Винни-Пуха. Девочка стояла на углу Главной улицы и Саванна-стрит — прямо посреди городка, и выкрикивала во всю силу маленьких легких:

— Лимона-а-а-ад! Лимона-а-а-ад! Покупайте лимона-а-а-ад, пятьдесят центов за порцию!

Ее лимонадный «ларек» выглядел довольно крепким и носил следы долгой жизни, хотя явно был сколочен на скорую руку. Прилавок из полулиста дюймовой фанеры опирался на столбики четыре на четыре; два столба повыше, но более тонких, поддерживали вторые пол-листа, служившие навесом. Между столбами был натянут самодельный же транспарант лимонного цвета с надписью крупными печатными буквами: «Ли-

---

¹ Шестилетняя героиня серии детских книг американской писательницы Кей Томпсон. (Здесь и далее прим. перев.)

монад, 1 стакан — 50 центов. Последующие порции — бесплатно!» Но в первую очередь в глаза бросалось не это трогательное в своей безыскусности рекламное объявление, не прилавок, не желтый контейнер-охладитель «Иглу» и даже не сама девочка. Настоящим центром этой незамысловатой композиции была стоявшая под прилавком пятигаллонная пластиковая бутылка из-под питьевой воды. Мне пришло в голову, что это ее — девочки — личный колодец или источник, куда каждый мог бросить монету и загадать желание. И похоже, весь город, беззвучно шепча под нос нечто свое сокровенное, ссыпал в бутылку крупные и мелкие купюры и заваливавшуюся в карманах мелочь.

Остановившись на углу, я смотрел, как пожилая женщина с кружевным зонтиком пересекла Главную улицу и опустила два четвертака в пенопластовую чашку, стоящую на прилавке.

— Спасибо, Энни, — прошелестела она, принимая из протянутых к ней рук девочки пластиковый стакан с лимонадом.

— Не за что, мисс Блейкли. У вас очень красивый зонтик! — Легкий ветерок, пронесшийся вдоль тротуара, шевельнул желтые ленты на спине девочки и донес до меня ее чистый, ангельский голосок.

Мисс Блейкли втянула сквозь зубы воздух и спросила:

— Как ты себя чувствуешь, детка? Лучше?

Девочка посмотрела на нее из-под полей шляпы.

— Да, мэм. Конечно.

Мисс Блейкли поднесла стакан к губам и, запрокинув голову, стала пить, а девочка повернулась и стала смотреть вдоль тротуара.

— Лимона-а-а-ад! Пятьдесят центов за порцию! — Ее южный выговор звучал очень приятно — мягко, чуть хрипловато. Так могла бы произносить слова только такая малышка, и потому ее голос невольно привлекал внимание, как фейерверк на Четвертое июля.

Что произошло дальше, я разобрал не совсем хорошо, но мне показалось, после того как мисс Блейкли вернула пустой стакан на прилавок, она опустила в прозрачную пластиковую бутылку двадцатидолларовую купюру.

Ничего себе лимонад!

Похоже, девочка зарабатывала деньги быстрее, чем казначейство успевало печатать их. В бутылке я разглядел целую гору банкнот разного достоинства, однако никто из покупателей, кажется, не переживал из-за того, что вся эта куча наличных может внезапно «отрастить ноги», а меньше всех беспокоилась сама маленькая продавщица. Что все это означает, спросил я себя. Кроме рекламного транспаранта между двумя столбиками на киоске не было никаких надписей или листовок, которые что-то бы объясняли. По-видимому, в этом просто не было необходимости. Так часто бывает в небольших городках: все и так всё знают, и никому не требуется дополнительных объяснений. То есть никому, кроме меня...

Сегодня утром — немного раньше, чем я оказался в городке, — мы с моим соседом и другом Чарли (помимо всего прочего, он приходится мне шурином и живет совсем рядом — на противоположном берегу узкого залива, который легко преодолеть вплавь, что мы частенько и делаем) шлифовали махагоновый корпус и стлани «Гриветты» 1947 года, когда у нас неожиданно

вышла мелкая наждачка, да и рангоутного лака осталось совсем чуть-чуть. Мы бросили монету, я проиграл, поэтому именно мне пришлось ехать в город, пока Чарли удил с причала рыбу и пронзительно свистел вслед облаченным в микроскопические бикини девушкам, проносящимся мимо на ревуших гидроциклах. Вообще-то Чарли почти никуда не ездит, но в нем очень силен соревновательный дух — потому-то он и настоял, чтобы мы бросали жребий. Как уже говорилось, я проиграл.

Сегодняшняя моя поездка была необычной — по времени. Я редко бываю в городе утром или днем, когда на улицах полно людей, идущих на работу или с работы. Откровенно говоря, я предпочитаю вообще в город не ездить. Как правило, я объезжаю административный центр нашего округа десятой дорогой, предпочитая соседние поселки, да и магазины, в которых я приобретаю продукты, инструменты и другие необходимые мелочи, я стараюсь менять каждые пару месяцев. В окрестностях Клейтона нет ни одного магазинчика, ни одной лавки, где меня считали бы постоянным клиентом.

Но если я все-таки попадаю в город, то стараюсь делать это минут за пятнадцать до того, как магазины начнут закрываться. Одеваюсь я как большинство местных жителей — в выгоревшие, застиранные джинсы, старенькую ковбойку и бейсбольную кепочку с рекламой какой-нибудь крупной компании, производящей электроинструменты или строительную технику. Обычно я оставляю машину позади магазина, натягиваю козырек бейсболки пониже, поднимаю воротник, а смотреть стараюсь себе под ноги, а не на окружающих. Невидимкой я проскальзываю в ма-

газин, покупаю что нужно и снова выскальзываю на улицу, так что никто меня не запоминает и едва ли замечает. Чарли называет это «невидимым шопингом». Я называю это образом жизни.

Отошедший от дел промышленник из Мейкона нанял нас с Чарли, чтобы мы привели в порядок его винтажную «Гриветту» 1947 года выпуска, подготовив ее для участия в десятом юбилейном Шоу классических и антикварных катеров, которое проходит на озере Бертон каждый год. До шоу оставался еще почти месяц. Мы с Чарли уже дважды участвовали в этом событии, и теперь, чтобы оставить позади мастеров из лодочной мастерской в Блу-Ридже, нам была необходима наждачная бумага. С «Гриветтой» мы возились уже десять месяцев и почти закончили, однако, прежде чем гнать моторку к заказчику, нам предстояло подсоединить трансмиссию и покрыть деревянные части восемью слоями рангоутного лака. Только после этого «Гриветта» смогла бы выйти на воду.

Чувствуя, как от любопытства у меня пересохло во рту, я пересек улицу и бросил в пенопластовый лоток пятьдесят центов. Девочка с силой нажала на поршень крана, отчего костяшки ее пальцев побелели, а рука задрожала, но все же нацедила мне полный стакан свежего лимонада, в котором плавала мякоть и не до конца растворившиеся крупинки сахара.

— Спасибо, — сказал я вежливо.

— Меня зовут Энни, — ответила девочка и, отставив ножку назад, присела в неуклюжем реверансе, глядя на меня снизу вверх из-под полей шляпы, что сразу сделало ее похожей на подсолнух. — Энни Стивенс.

Я взял стакан в другую руку, щелкнул каблуками и продекламировал из Шекспира, слегка изменив слова:

— Спасибо, я как раз озяб, и на сердце тоска...

— Это вы сами придумали?

— Нет. — Я покачал головой. — Это один человек по фамилии Шекспир написал в своей книге «Гамлет». Видишь ли, в детстве, пока большинство моих друзей смотрели «Уолтонов» и «Гавайи пять-ноль», я предпочитал читать книги. У меня до сих пор нет телевизора, представляешь?.. Зато сотни давно умерших писателей ежечасно наполняют мою голову своим неумолчным шепотом... — Я слегка приподнял бейсболку и протянул руку. — Риз. Меня зовут Риз.

Солнце светило мне в спину, и моя тень, протянувшись передо мной, защищала глаза девочки от солнца, которое в одиннадцать утра поднялось довольно высоко и карабкалось все выше.

Энни немного подумала.

— Риз — хорошее имя.

На тротуаре показался какой-то мужчина, который тащил два пакета с покупками из бакалейной лавки, и девочка, повернувшись в его сторону, завопила так громко, что ее, наверное, было слышно за три квартала:

— Лимона-а-а-ад!!!

Мужчина кивнул.

— Доброе утро, Энни. Подожди секундочку, я сейчас подойду.

Девочка снова повернулась ко мне:

— Это мистер Портер, он работает на этой улице. Мистер Портер любит, чтобы в лимонаде было побольше сахара, но он не такой, как некоторые из моих по-